
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ВЫЯВЛЕНИЯ И СЕМАНТИЗАЦИИ СЛАВЯНИЗМОВ

Ж.К. Киынова

Кафедра русского языка

КазНУ им. аль-Фараби

пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Республика Казахстан, 050040

Статья посвящена функционированию славянизмов в национальном корпусе русского языка, который служит источником их семантизации в современном русском языке. На основе примеров, взятых из современных текстов, представленных в основном и газетном подкорпусах, дается информативная картина о тенденциях и закономерностях употребления слов.

Ключевые слова: славянизмы, семантизация, семантико-стилистические процессы, национальный корпус русского языка, основной подкорпус, газетный подкорпус, синхрония vs. диахрония, культурно-историческая информация.

Одним из источников выявления и семантизации славянизмов является Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ), www.ruscorpora.ru — крупный проект Института русского языка В.В. Виноградова РАН, направленный на внедрение новых технологий в исследование русского языка. Это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме.

НКРЯ был открыт для свободного доступа в Интернете 29 апреля 2004 г. и в данный момент включает самые разнообразные русские тексты, преимущественно современные, общим объемом 140 млн словоупотреблений.

Корпус предназначен в первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов — от одного до двух столетий. Другая задача корпуса — предоставление всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка).

Уникальность НКРЯ заключается в том, что он охватывает почти все сферы функционирования языка и включает в себя такие типы текстов, как современная художественная проза разных жанров и направлений, современная драматургия, мемуарно-биографическая литература, журнальная публицистика и литературная критика, газетная публицистика и новости, научные, научно-популярные и учебные тексты, религиозные и религиозно-философские тексты, производственно-технические тексты, официально-деловые и юридические тексты, а также бытовые тексты. Многие из этих современных письменных текстов (середина XX — начало XXI в.) входят в основной корпус, в состав которого также входят корпус живой русской речи (записи устных текстов того же периода) и ранние тексты (середина XVIII — середина XX в.). Кроме того, в НКРЯ представлены такие подкорпусы,

как газетный, поэтический, устный, синтаксический, диалектный, обучающий, параллельный (русско-английский), акцентологический, мультимедийный.

Известно, что НКРЯ создан, прежде всего, для научных исследований, поэтому его данные дают интересный материал для наблюдения и анализа каких-либо языковых единиц, в нашем случае славянизмов — слов, посредством которых шло восприятие русским народом христианской религии и греческого культурного наследия.

Славянизмы как носители культурно-исторической информации связаны с различными реалиями, понятиями и представлениями далеких эпох, в этом и заключается их большая и культурная ценность.

Несмотря на то что большая часть этой лексики архаизировалась, вопрос о славянизмах по-прежнему остается одним из основных в общей проблеме возникновения и развития русского литературного языка, в определении его генетической основы. Именно по отношению к славянизмам, в семантике которых сохранились значимые в культурной традиции носителей языка представления и понятия, можно говорить о культурной памяти слова, поскольку «время дает устоявшуюся культурную информацию о себе самом в его языке, не производя ничего пустого и недостойного» (В.И. Вернадский).

Семантическое описание славянизмов в НКРЯ позволяет «обнаружить» семантико-стилистические процессы, произошедшие на определенном хронологическом срезе, сопоставить их функционирование в различных современных письменных текстах и определить особенности их употребления в контекстах, отобранных из всех созданных в настоящий момент подкорпусов.

Так, богатый материал для изучения языка современных газет дает газетный подкорпус Национального корпуса русского языка, на основе которого можно сделать некоторые предположения о функционировании славянизмов на данном этапе развития языка.

Установка современных журналистов «на живую речевую стихию социума» привела к взаимодействию разнородных языковых средств — как «высоких», так и «сниженных», при этом маркированные «духовно отмеченные слова» могут встречаться в совершенно нейтральных, более того, стилистически сниженных контекстах. Ср.:

Развеселый лик помощника президента Игоря Шувалова и кошмарный смысл его заявления просто ошарашивают («Власть научит бизнес Родине платить», 30.03.2005) (Пример достойного ухода // Известия, 2007.12.24).

Здесь нарушена сочетаемость слов: *лик* — «высокое» слово, изначально обозначающее образы святых на иконах, позже — поэтизм, употребляющийся преимущественно в возвышенных, торжественных контекстах, не может сочетаться с прилагательным *развеселый*.

Вполне закономерен тот факт, что в языке газеты наиболее живо и адекватно прослеживаются все динамические процессы, происходящие в современном языке,

как в зеркале отражается «жизнь» современного общества, диктующего приоритеты в употреблении языковых средств.

Слово *чрево* в значении «живот» употребляется в различных переносных значениях. Ср.:

*Иными словами, если владелец терминала является агентом поставщика услуг, например телефонной компанией, тогда ему переводить ей деньги не нужно: они юридически попадают в кассу этой телефонной компании в тот момент, когда мы опускаем их в **чрево автомата** («Агентскую») схему никто не отменяет // РБК 2007.11.13); *Алеше не надо ни дух переводить, ни охорашиваться, он сразу проходит в **чрево события** с накрытыми столами, замершее в ожидании, в котором гулко цокают каблук пробегаящих официанток и пузырятся от сквозняка на высоких окнах тяжелые, еще зимние, голубые атласные шторы* (В.Г. Распутин. Новая профессия, 1998); *С костылями (с ними все-таки было привычнее) заглядывала в черное **чрево духовки**, совала туда какой-то пирог...* (И. Грекова. Перелом. 1987).*

Как видно из приведенных примеров, славянизм «чрево», употребляющийся в древнерусском языке только по отношению к человеку и ассоциирующийся с жизнью (*жена его чревата, чревная болезнь* и др.), в современном языке прилагается к предметам, понятиям и событиям и описывает то, что внутри, в самом центре.

Использование славянизмов в тех или иных текстах связано, в первую очередь, с целевой установкой пишущего и стилиобразующими факторами: если в художественном тексте славянизмы выступают как средство стилизации, то в газетном — как средство речевого воздействия.

Длительное взаимодействие русской и церковнославянской языковых стихий в системе русского литературного языка привело к тому, что за славянизмами закрепилась «книжность» с ее абстрактностью, возвышенностью и поэтичностью, поэтому одной из основных закономерностей в семантической эволюции славянизмов был переход от конкретного значения к абстрактному.

К примеру, глагол *свергнуть* первоначально имело значение «скинуть» (*свергнуть порты* — снять штаны), в современном языке это слово означает «силой лишить власти, могущества, низложить».

Обрести в древнерусском языке означало «найти», в современном языковом узусе называет протяженное, рассредоточенное во времени действие. В современных текстах это слово лишено волевого, целеполагающего начала и описывает действие, результат которого не зависит от воли субъекта, ср.: *Я наконец нашел возможность общаться с вами* (потому что открыли границы) и *Я наконец нашел возможность...* (именно «изыскал»), о чем свидетельствуют примеры, excerpiрованные из НКРЯ:

*А моя наивная уверенность, что она может, не теряя брата, **обрести во мне сестру**, — тем более* (Сати Спивакова. Не все, 2002); *Их роман длится уже полтора года и, как видно, помог Мосс вновь **обрести радость жизни** после болезненного разрыва с предыдущей любовью — актером Джонни Деппом* (Светские новости // «Домовой», 2002.05.04); *Она вышла замуж более 20 лет назад, надеясь **обрести***

в семейной жизни покой и мир (А. Лэнгле Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // «Вопросы психологии», 2004.08.10).

Как видно из приведенных контекстов, *обретают* на жизненном пути, на каком-то его отрезке: *обрести во мне сестру, обрести радость жизни, обрести в семейной жизни покой и мир*. Если исконно эти слова обладали более широкой предметной сферой, то сейчас их сфера употребления сужается, они стали обозначать не конкретные (как это было в древнерусском языке), а абстрактные, отвлеченные понятия, поэтому соотносятся с духовной, идеальной сферой. Именно под воздействием духовной рефлексии носителей языка славянизмы в современном языке — маркированные единицы, обладающие ценностной отмеченностью. Поэтому вполне закономерной считается точка зрения Е.С. Яковлевой, согласно которой «...эта ценностная отмеченность не присуща исконным языковым формам; она является следствием отстоящей во времени духовной рефлексии носителей языка. Так, именно в современном языковом узусе *обрести* предполагает судьбозначимость «предмета речи», ср.: *Я наконец нашел очки и Я наконец обрел друга*.

Употребляется соответствующий глагол по преимуществу апостериори и поэтому лишен многих форм. В прошлом же глагол *обрести* был вполне нейтрален и поэтому универсален: прилагался к любому субъекту в любой предметной ситуации, ср.:

И на ину ноц един бес, в хижу мою вошед, походя и нечево не обрете, токмо чотки из рук моих вышиб и исчезе («Житие протопопа Аввакума»); *Сего ради такого и государя себе обрел еси, еже по своему злобесному собацкому хотению...* («Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским») [1. С. 50].

Контексты из современных текстов в основном подкорпусе НКРЯ позволяют сделать предположение о том, что ценностная отмеченность глагола *обрести*, в отличие от синонима *найти*, определяется его сочетаемостью со словами, обозначающими возвышенные понятия и относящимися к идеальной, религиозной и морально-нравственной сфере. Ср.: *обрести веру, душевную опору, вечное спасение, смысл бытия, смысл жизни, радость жизни, жизнь, мудрость и истину, исцеление, любовь, путь и им владеть, новые силы, опору в жизни, спокойствие и безмятежность, вдохновение, доверие, уверенность, братьев, друг друга*.

Кроме того, *обрести* встречаются и в социально-политических контекстах:

*В.Н. Сорока-Росинский предупреждал о катастрофичности подобной ситуации, когда стремительные изменения в образе жизни и распад традиционных социальных связей общества (вся феноменология «смутного времени») ведут к состоянию лиминальности: человек, порвав со своей средой, еще не способен **обрести духовную опору** в новой культурной атмосфере; Основным средством преодоления данной ситуации В.Н. Сорока-Росинский видел предугадывающее общественные потребности реформирование школы, одна из задач которой сводилась к тому, чтобы дать возможность потерявшимся в смутном времени **обрести идеалы*** (М.С. Гусельцева. Философские горизонты психологических исследований // «Вопросы психологии».

2004.06.15); *В процессе обновления общественная элита, помимо воодушевления, должна **обрести адекватность*** (Михаил Делягин. Глобальные требования к России // «Наш современник», 2004.02.15); *Он постоянно «выбрасывает» из себя обанкротившихся и рекрутирует новых людей, стремящихся **обрести финансовую независимость*** (Янис Астафьев. Кто будет работать в России в 2015 году? // «Отечественные записки», 2003); *Но, считает политолог, не стоит все сводить к предвыборному пиару: «Яблоко» пытается **обрести дополнительную социальную базу** и делает это гораздо успешнее, чем СПС со своими спорадическими «выпрыгиваниями» по поводу военной реформы. «Яблочники» соберут капитальный том, украсят его табличками — в дальнейшем в новой Госдуме у фракции будет серьезная повестка дня* (Ольга Редичкина. Явлинский поставит Чубайса на счетчик (2003) // «Газета», 2003.07.02).

«„Духовность“ исконного церковнославянизма — это его общая принадлежность культурному языковому слою; современное же, секуляризованное, сознание может осмысливать эту «духовность» в терминах религиозности, церковности, отводя ей тем самым узкоспециальную предметную область» [1. С. 50].

Так, в современном языке славянизмы сузили сферу своего употребления и потому не описывают физически конкретные предметы и явления, что и актуализирует в их семантике сакральные смыслы. Приведем в пояснение этого тезиса несколько примеров из «Журнала Московской патриархии», помещенных в основной подкорпус НКРЯ:

*Я уже сказал, что, к сожалению, опыт псевдодуховников перенимают молодые, младостарцы, берущие на себя власть вязать и решать, а не помогать людям **обрести в Церкви свое место*** (Патриарх Алексей II (Ридигер). Ежегодное епархиальное собрание города Москвы (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.02.23); *Святая Церковь желает помочь людям выбраться из бездны духовной пустоты и **обрести смысл бытия** в истинной вере Христовой* (75 лет Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.06.28); *Плод, приносимый чтением или слышанием Евангелия, есть вера, но чтобы **обрести ее**, сначала надо познать из Закона неизбежность суда Божия и страхом грозящих мук отворотиться от греха* (Два труда об истинном христианстве (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.02.23).

Интересным представляется функционирование глагола *обрести* в контекстах, описывающих современные реалии социально-бытовой сферы жизни:

*Шлифовка лазером — очень эффективная процедура, чтобы **«обрести»** лицо без пигментных пятен, мелких и не очень морщин, убрать последствия угревой сыпи* (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005); *Чтобы ее наладить, надо **«обрести себя»**, то есть отказаться от раздражительности, найти в себе нечто неповторимое, выявить собственное очарование...* (Каждому городу — свой овощ // «Народное творчество», 2004).

Употребление *обрести* в переносном значении объясняется его образно-воздействующим потенциалом, позволяющим оценить всю ситуацию в целом. И если ситуации, описываемые современными квазисинонимами *найти* и *обрести*, рас-

смотреть с точки зрения отношений «взять»/«получить», то субъект обретающий, конечно, будет отнесен к последнему, «пассивному» типу, ср. соответствующее понимание «обретения» в древнерусском языке:

...да от бога сам милость обрящет («Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским»).

Материал, эксцерпированный из НКРЯ, позволил выявить особенности употребления глагола *обрести* в современных текстах, его семантический объем, установить тенденции в определении роли и места церковнославянской лексики в системе современного русского литературного языка. Уникальность такого источника состоит в том, что «в корпус попадают образцы практически любого существующего в русском языке письменного дискурса — от статьи современного музыкального критика до инструкции по уходу за кактусами, от рассказов Пелевина до справочника по физике» [2. С. 8].

О достижениях корпусной лингвистики в создании такого ценного для исследователей русского языка источника пишет Э.Д. Сулейменова: «Для основной массы исследований последних десятилетий характерна органичная связь с теорией коммуникации, теорией референции, семиотикой, культурологией, социологией, поэтикой, когнитивными науками, герменевтикой и другими науками, что, с одной стороны, позволяет анализировать русский язык с новых позиций и с помощью нового метаязыка, с другой стороны, — делает казахстанскую русистику адекватной современной парадигме мировой лингвистики и науки в целом. Вместе с тем следует отметить и некоторое отставание казахстанской русистики, крайне редко прибегающей в своих исследованиях к богатейшим ресурсам корпусной лингвистики (в частности, фрагментарно используется Национальный корпус русского языка)» [3. С. 20].

Таким образом, электронный ресурс НКРЯ дает ценный материал о функционировании славянизмов в различных культурно значимых текстах (художественных, публицистических, философских, религиозных, научных) в разные исторические периоды развития языка. Славянизмы широко представлены в основном, газетном и поэтическом подкорпусах — это интересный языковой материал, изучение которого позволит сделать определенные выводы о тенденциях употребления слов на синхронном срезе языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. — 1998. — № 5. — С. 43—73.
- [2] Плузьян В.А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение. URL: www.guscorpora.ru. — С. 7.
- [3] Сулейменова Э.Д. Новые научные парадигмы в казахстанской науке о русском языке // Сб. мат-лов II международного конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии». — Астана: ИД «Сары-Арка». — С. 20.

**NATIONAL CORPUS OF RUSSIAN LANGUAGEAS
THE SOURCES OF PHENOMENON
AND SEMANTICISM OF SLAVONICISMS**

J.K. Kiynova

Kazakh State University of Al-Farabi
Al-Farabi, 71, Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040

This article/paper expresses the functional Slavonicisms in the national corpus of Russian language, which serves as the source of their semanticism in modern Russian language. In the basic examples are excerpts from modern texts, presented in the basic newspaper sub-corpus, basic sub-corpus, giving informative picture about the tendencies and rules of the uses of words.

Key words: Slavonicisms, semanticisms, semantic-stylistic processes, national corpus of Russian language, basic sub-corpus, newspaper sub-corpus, synchronism versus diachronism, cultural-historical information.